

Научная статья
УДК 82-131(470.621) +398.22
ББК 82.3(2Рос.Ады)-431+83.014.1(2Рос.Ады)
У 58

DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-89-98

Героические песни адыгов: формирование образа идеального героя (Рецензирована)

Раиса Батмирзовна Унарокова¹, Зарема Арсеновна Цеева²

^{1,2}Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,

¹raya_unarokova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>;

²zarema.tseeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2528-9678>

Аннотация:

Рассматриваются героические песни, в основном бытующие в западно-адыгской локальной традиции (Республика Адыгея) и диаспоре Турции. Анализируются универсальные формулы, характеризующие образ идеального героя. Определяются количественные показатели клишированных формул и их приуроченность к объектам песен. Выделяются типы изобразительных средств от простых эпитетов до сложных определений, имеющих тирадную форму. Полученные результаты могут быть использованы при изучении проблем, связанных с прагматикой фольклора, а также в исследовании языка отдельно взятых жанровых областей.

Ключевые слова: адыгский песенный фольклор, универсальные формулы, образ идеального героя, фольклорный подкорпус лингвистического корпуса адыгейского языка, клишированное определение.

Для цитирования: Унарокова Р.Б., Цеева З.А. Героические песни адыгов: формирование образа идеального героя // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. Вып. 1 (312). С.89-98 . DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-89-98.

Original Research Paper

Heroic songs of the Circassians: the image of a perfect hero

Raisa B. Unarokova¹, Zarema A. Tseeva²

^{1,2}Adyghe State University, Maykop, Russia,

¹raya_unarokova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>;

²zarema.tseeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2528-9678>

Abstract:

The article deals with the heroic songs existing mainly in the Western Adyghe local tradition (Republic of Adyghea) and the Turkish diaspora. The authors analyze the general criterion for the image of an ideal hero. Quantitative indicators of cliched formulas and their relation to the objects of songs are determined. Means of figurative language such as epithets and complex definitions in the form of a tirade

are distinguished. The results can be used in the studies related to the pragmatics of folklore, as well as in the study of the language in different genres.

Keywords: Adyghe song folklore, general criterion, image of an ideal hero, folklore subcorpus of the linguistic corpus of the Adyghe language, clichéd definition

For citation: Unarokova R.B., Tseeva Z.A. Heroic songs of the Circassians: the image of a perfect hero // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2023. No.1 (312). P.89-98. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-89-98.

Вся обозримая история адыгов протекала на фоне непрерывной борьбы за сохранение независимости. Это повлияло на создание воинственного облика адыгского этноса, вынужденного на протяжении столетий сдерживать натиск кочевых народов и соседних государств. Носители воинских навыков с давних времен составляли привилегированную часть адыгского общества. Высокий статус воина нашел отражение в героическом эпосе адыгов «Нарты», где ключевыми персонажами являются богатыри-всадники, совершающие подвиги во имя своего народа и ради собственной славы. Черкесский рыцарь стремился прожить пусть и короткую, но яркую жизнь, полную приключений и подвигов. Он мечтал пасть смертью храбрых в сражении и прославиться в песне, которая переживет его на века, что в представлениях адыгов было, по сути, тождественно бессмертию [1: 743]. Народные песни представляли собой мощный инструмент воспитания подрастающего поколения, побуждавший юношей проявлять мужество и доблесть, подобно прославленным в песнях героям [2: 216]. Адыгские предания и историко-героические песни являлись трансляторами базовых этических констант и хранителями народной памяти. В этой связи тексты песен данного жанра представляют большой интерес для исследования.

В адыгской фольклористике, также как и российской, проблемы, связанные с художественно-образительной спецификой текстов остаются одними из часто исследуемых, но, в то же время, не до конца изученных. В частности, героические

песни достаточно давно находятся в поле зрения адыгских фольклористов. Широко изучены их жанровая классификация, образное строение, композиционно-стилевые особенности [3, 4].

Так, исследователь адыгского фольклора З.М. Налоев историко-героические песни называет мемориальными песнями. Они, как правило, создавались в величальном или плачевом стиле. Функция песни об одном герое подобна функции памятника – прославление и увековечивание имени знаменитого рыцаря. В мемориальных песнях о многих мужах чаще всего описываются знаменитые походы и сражения. В плане композиции такие песни имеют сходство: в них сочетаются величальные формулы, прославляющие нескольких героев, и минимальная информация о самом событии. Такое построение было связано с тем, что задача описания самой битвы возлагалась на сопровождавшее песню предание [5: 62].

Однако в более частных проблемах, касающихся художественно-образительных средств языка фольклорных текстов, например, вопроса участия универсальных определений в формировании образа идеального героя, все еще обнаруживаются новые грани.

В плане отражения образа идеального героя особый интерес представляют такие жанры адыгского песенного фольклора, как историко-героические песни (тарихъ-лЫгъужъ орэд), песня о многих мужах (лЫбэ орэд) и песня об одиночном герое (лЫзэкъо орэд). Традиционно песни об одном герое посвящались прославленным

рыцарям для увековечивания их памяти [6, 7].

Материалы и методы.

Материалами исследования являются тексты героических песен, опубликованные в сборниках «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (Т. III - 1989), «Адыгские песни времен Кавказской войны» (2005), «Тыркуем ис адыгэхэр. Ёрлуатэр» (2004), «МыкӀосэрэ жъуагъохэр» (1994), а также тексты современных лирических песен, введенных нами в корпус адыгейского языка [8]. Методом корпусного исследования установлены сочетаемость клишированных определений с объектами песен и их количественные показатели. Сравнительно-типологический метод позволил обнаружить разнохарактерность изобразительных средств – от односложных эпитетов до многоступенчатых определений тирадной формы.

Обсуждение.

На примере таких историко-героических песен, как песня о многих мужах «Фэрзэпэ заом иорэд» («Песня о битве в устье Фарс») [9:258-262] и песня об одиночном герое «Тыгъужъыкъо Къызбэч иорэд» («Песня о Тугужуко Кизбече») [10: 169-175] рассмотрим набор универсальных определений, формирующих образ идеального героя. Объектами характеристик являются, с одной стороны, сам герой, его помощники и враги; с другой – воинское снаряжение (могут быть перечислены детали экипировки или названы основные предметы), события (война, отдельное сражение), методы ведения боя, пространство, где происходят события.

В историко-героической песне о битве в устье реки Фарс упоминаются имена восемнадцати прославленных героев и пять имен предателей. Каждый из персонажей характеризуется односложными или тирадными величально-поэтическими формулами. Они составляют перечень универсальных определений,

присущих идеальному герою. Подобные характеристики строятся по модели: имя + определение, где перечисляются качества героя. Так, Хатугов Салимчерий «с пулями, свистящими играет», «своим мечом клейменым рубится» (меч, изготовленный известным мастером и отмеченный его клеймом/тамгой), «по обычаю предков сражается». Дауров Хапач – «чей конь проворно гарцует, руководит битвой в устье Фарса» [9:258-259].

В данной песне той же формулой описывается другой герой – Шеуджен Тагир, но она дополняется иными деталями: этот герой, «кого уносят [с поля боя убитого и прячут] в большой лес»; Дагужиеко Хаджал, «чьего коня белохвостого без седока отправляют к двум сестрам»; Дауров Керемиз, «чья семья [опоры] лишилась»; Ерыка сын, Нагой, «кто пленных в устье Санджалае освобождает»; Мамгетыко «из могилы которого огонь шагида (погибшего в священной войне) пылает» [9: 259-260].

Больше всех упоминается (4 раза) имя Магомета, сына Касеевых. Ему посвящается развернутая характеристика в тирадной форме.

Ерэджыбэжгыр ныбэджэКэф,

ШыкГэфыр онэгу нэГ,

КъыдэкГрэр пахьылгэрыщ,

Къащэжэрэр си Мыхьамэт.

Щагдыибэр зэблехъу,

Зиорэд пчэГум зыхъожэрэр –

Къэсэймэ я Мыхьамэт.

УбыкГэ къэкГрэмэ япчэГу,

Абадзэу зэГурэр феггых,

КъэсэйкжокГэ шъуи Мыхьамэт.

«Ереджибовская стрела с белым соколиным пером.

Конь белохвостый – без седока,

Встречающие [похоронную процессию]

– горько плачут,

Везут моего Магамета...

Шагдиев [коней] многих меняет,

Чья песня у ворот меняется [на плач],

Касеевых Магамет...

Из Убыхии прибывшие – у его ворот,
Из Абадзехии, кто услышал, оплакивает.
Касеевых сын ваш Магамет» [9: 258-259].

Интересно значение выражения «Ереджибовская стрела с белым соколиным пером», поскольку в ней сплелись архаичная и более поздняя формулы, традиционно использовавшиеся для характеристики мужественных воинов: «Ереджиб» – это престижная марка ружей, названная по фамилии мастера-изготовителя, а использование стрел с белым пером сокола являлось привилегией воинов знатного происхождения. Очевидно, что ружья не могли иметь «белое оперение», но в песне эти клишированные выражения призваны дополнить и усилить друг друга. Еще одна деталь в песне, подчеркивающая героический образ – «шагдиев многих меняет», является метафорой яростной битвы, когда под вином убивают множество лучших верховых коней, принадлежавших к известной адыгской породе «шагди».

В тирадной форме также величают и других персонажей песни: Канокова Айтеча, Болотокова Шеретука, Алкасыко Османа.

В данной песне употребляется еще одна универсальная модель величания героев: к перечисленным именам нескольких храбрых воинов прибавляется одно определение:

*МыхьамчэрыекъокIэ Джэндар,
ДжэрандыкъокIэ Хьаджэкъэсэй,
КъэсэйкъокIэ я Мыхьамэт –
Зыоркъ кумыкIэ дэгъончъ.*

«Магамчерия сын, Джандар,
Джандара сын Хаджикасей,
Касеевых сын, Магамет –
Группа воинов-дворян – без изъяна»
[9:258].

В то же время одному из трех вышеперечисленных героев – Магамету, сыну Касеевых, как отмечено выше, посвящается 3 фрагмента песни.

Как правило, в адыгском песенном фольклоре практически не описывается внешность героя. Чаще всего повествуется о герое в действии – в бою. Одна из наиболее многогранных характеристик воина дана в величальной героической песне о знаменитом предводителе, герое Кавказской войны Кизбече Тугужуко (*Тыгъужъыккъо Къызбэч*). Она состоит из 101 строки (11 строф).

Собственно характеристика героя:

*Мэзахэри тфиугъоз,
Мэзагъохэр итанджышъхъ,
Ибзашъхъэ щымыут,
...ШIоигъоджэ епсыхъжъ.
Топкъалэ къегъэгъырз,
...Къызэтырелъхъи гъэрхэри
къещэфыжъ,
Ахъицэ фыжъыбзэджэ чылэхэр
къегъэгъуащ.*

ЛIыхъор къафызэтэдзрэн

«В безлунную ночь он нам путь находит
Звездное небо над верхом чьего шлема
[потому что он ходит в походы ночью]
Его тетива [никогда] не срывается [на-
столько меткий]

По [собственному] желанию спешивается
[сам решает, когда ему спешиваться].

Крепость с пушками стонать
заставляет

[Большой] куш [выкуп] выкладывает и
пленных выкупает.

Монетами белыми [серебряными]
села одаривает.

Витязя с коня свалить не могут»
[10: 170-175].

От перечисления сложных эпитетов в начале песни сочинитель к ее концу переходит к коротким односложным характеристикам, ускоряя тем самым ритмику песни:

*Къурамбыер гъомылэу,
Лабэ пщыпIэ щигъэщэу,
Шэсырэми иоркъэу,
Зы къини шIомышIэу,
Нахъи илIыгъэ ригъэхъоу,*

*Лгэхгуджэ цГыфы кГэмыхъэу,
Гум ихъагъи мэкГожьы...
Зыщыцэри дуахъыджэ фэлъаГо.
ЗэраГоуи Къызбэч къэнафэ.
«Курамбий – его дорожная пища,
На [реке] Лабе [военный] стан разбивает
Кто воинам-всадникам готов быть уор-
ком [в значении «готов служить»]
С трудностями не считаясь,
Свое мужество [в боях] умножая,
Рысью никем не нагнанный,
На простор вырвался и ушел!...
Его род за него молитвы богу приносит.
Как о нем говорят, Кизбеч таким и
оказывается».*
[10: 175].

Следует отметить, что выражение «Курамбий – его дорожная пища» – это метафора аскетизма героя и указание на то, что он постоянно находится в походе, так как курамбий – это род печенья с большим сроком хранения, которое брали с собой путники и употребляли в малом количестве.

Враги Кизбеча многочисленны и сильны: чьи войска «малыми издалека кажутся, но их столько, сколько бродов [в реке]; в степи оказавшиеся – тоже грозные» [10: 173]. Эти формулировки призваны показать, что противники у героя достойные.

Как отмечалось выше, одним из важнейших принципов поведения настоящего героя-черкеса являлось соблюдение им определенных правил и ограничений во время сражения. Победа была важна, но не только это приносило ему славу. Рыцарский кодекс чести предписывал воину вести себя с достоинством, гуманно, с уважением относиться к противнику, предоставлять ему, по возможности, равные шансы; при этом предполагалось, что соперник ответит тем же. Знатные воины мечтали не только совершить красивый подвиг, но и погибнуть с честью. Они жаждали пасть от руки действительно достойного соперника [11:

38, 40]. Доказательством такой нравственной установки служит отсутствие в историко-героических песнях мотивов уничтожения противника. Победа героя выглядит тем убедительнее, чем более сильным показан его соперник. Отрицательные характеристики врагов появляются позже, в фольклоре XX века, когда уже произошла серьезная трансформация традиционной адыгской культуры. Подобные мотивы нередко встречаются в песенном фольклоре времен Великой Отечественной войны [12: 108-122].

Помощниками героя являются: род Тугужуко – дед Кизбеча – Елмышыку, отец – Тугуж, младший брат Кизбеча – Батмыза, племянник – Зачерий; некий витязь Хаджалъ, – они «невесток молодых радуют [подарками], на их конях нарядная сбруя; для их дочерей-красавиц арба парчой выслана; из рода Сетов двое мальчиков, орлам подобные в седле неистовствуют, у них пища бесконечна (в значении «недостатка в пище не знают»), врагов среди воинов-односельчан не имеют». Его друзья из трех родов: Тамитеч, Айтечук, Чемгуй, сын Шэщэна, «из Залигура войско приводят, в Карачае [они] стан разбивают», т.е., издалека поддержка приходит [10: 170-175]. Помощников у героя множество:

*Шапсыггэмэ ажгуггэу
Заор кондэу рагъажъэ
Къылыщымы наггэсы
«Шапсугов тьма,
Много битв начинают,
До Килища [топоним] они доходят»*
[10: 173].

Таким образом, в песне вокруг героя выстраивается целый ряд персонажей с положительными характеристиками в качестве его группы поддержки. Этот художественный прием призван еще больше возвысить авторитет Кизбеча как мужественного, прославленного воина и предводителя.

Известность Кизбеча характеризуется следующими формулами:

«На земле адыгов князья живущие [просят]: «Кизбеча покажите, его видеть мы хотим, нашу честь он задевает, страх в нас вселяет; до земли великого князя (т.е. русского царя) славу о нем доносят, от мисирского князя (правителя Египта) привет ему приходит» [10: 174]. Важно отметить, что Кизбеч по словесному статусу был ниже князей – верховных феодалов, но своими подвигами затмевал их деяния, поэтому в контексте песни говорится о задетой княжеской чести.

Пространство, где происходит сражение:

Къушгъхъ машIох

МэшIо хэкужгых

«Горы – в огне

Огонь в пепелища родину превратил» [10:173].

Воинское снаряжение:

Из такового наиболее часто упоминаются меч, сабля, стрелы [лук], пули [ружье]. В песне об Айдамиркане о его мече говорится следующее:

Маисэр рехышгъы, о пыим ыкIыIу гуцэр иггъогу,

Ичэтэ Iапшгъэри Лгъэпшгъэуи тикгъаными ефызы,

О ицэмрэ ибзэмрэ Ауцэджыкгъаны гуцэм Iэ делгъ,

Чаны гуцэр зыггэпхгъапхгэр, о

лIыхгъухэри зыушгъхъакIу гуцэр зичат.

«Маису [булатный меч] из ножен выхватит, вражьи груди его дорога!

Чьего меча рукоять Тлепш – бог кузнечества выковал,

О, его стрелы и его лук Ауцэдж [Святой Георгий, покровитель воинов] погладил.

Храбрецов сокрушает

и витязям обиду наносит, чей меч»

[10: 93-98].

Методы ведения боя:

Ижгъыгум зихгъэджэ ныбэджэ хабзэуи зеплгъахы,

Нэджэ ор зытеплгъэрэр, о

Джэманцарыкгъы гуцэми IэкIэкIрэн,

Пыим кIэкIыемэ зыпсэуи иIэри хеггъэзы...

Шыухэр зэдилгъымэ, лгъэрэтемытэо кгъынэсы,

Ар кгъызэрэнэсэо, о, пцэггъо корэны гуцэишгъы мэуцу,

КIочIэцу хабзэуи мы тембырыгум зырессэ.

«В степь выедет – соколу подобно осматривается.

Глазами он что увидит,

от Джаманцарыка [его коня] не уходит Рванется в бой – и его [лука] тетива тугая дрожит...

Всадники, когда рванутся, земли не касаясь, приходит он [первым],

Ар, как приходит,

густым туманом встает,

Как могучий вол,

он в гущу врагов врывается» [10: 93-98].

В ряде других героических песен мы обнаруживаем также множество формул, характеризующих методы ведения боя:

Кгъожгъы гуцэуи сишкончы кIахгъэр Ггъэтхэпэшылблэшгъы я, еггъао.

«Кожие (гущэ) [здесь и далее *гуцэ* – эмоциональное восклицание без смысловой нагрузки] ружье длинное Весенним громом гремит».

Имышгъурысэр еггъабзэ,

ЛIэужы хабзэишгъы мэзао,

Хъатыггъу гуцэдджэ Салымчэрий

«Своим мечом меченым

[тамгой владельца] рубится

По обычаю предков сражается

Хатугов Салимчэрий» [10:253].

В данном тексте слово «Кожие» означает известную марку черкесского ружья, названного по фамилии мастера-изготовителя, а наличие такого оружия у героя тоже указывает на его высокую боеготовность.

Чэтэрыо гуцэхэр кгъытфэзыублэрэр Шэбэнэжгъыеу Хъатыггъу.

Щэ шгъуи макгъэми [ар] дэджэгъу,

Ар Шэбанэджэ Хъатыггъу

ЛIыхгъусэиIэхгъыр си Аслгъаным ичат.

«Мечевой бой (гущэ) кто начинает

Шабанов Хатуг.
С пулями / стрелами, свистящими играет
Шабанов Хатуг.
Витязей повергающий – меч моего льва
[воспитанника]» [10: 254].
О, ионэкгонитIу
гуцэр (ра) зицэнытала...
А, шьиджалэм хэлгы
Гуцэу заор кгытфешIы (гуцэ)
О, ионэкгонитIу
гуцэр (ра) кгызэкгуредза,
Ра, шьшгхьээзэкгуадзэджэ
кгыдээрэцы гуц.
«О, две луки его седла
(гуцэ, ра) ему сошкой [упором для стрель-
бы] служит,
А, к холке коня прижавшись,
(гуцэ) он сражается (гуцэ)...
О, своего седла две луки [он]
(гуцэ, ра) связывает
Ра, в жестокой схватке, когда головы ко-
ней переплетаются
из крепости вырываются (гуцэ)» [10: 63].
...ЗэIэбэкIы ибзэкIахь кгырехы
Щэр кгырихи ззакго кгахэо.
Ичэтэ цыпэ лгэр пычгэу,
Пчыпыджыныжгымджэ
кгеIэтых.
«Руку занеся назад, свой длинный лук
вынимает,
Стрелу вынимает и один раз в них
выстреливает.
С острия его меча кровь стекает,
Пикой могучей [врагов] бросает, подбрасы-
вает» [10: 171-172].

Отношение к событию/войне/
сражению:

В ряде героических песен-плачей
встречаются яркие формулы, демон-
стрирующие отношение адыгов к во-
енным событиям. Так, в «Абадзех-
ской походной песне» встречается
следующее определение:

Ра, нысэщэ джэгу нахы шIомышIэу
язо гуцэба

«Ра, словно на свадьбе веселясь, он с
ними сражается» [10:63].

Отношение к войне, как к празд-
нику – отнюдь не случайное сравне-
ние в этой песне. Такое восприятие
войны является характерным для
феодализма в целом, когда мужество
и героизм почитались как высшие

добродетели в глубоко военизиро-
ванных обществах этой эпохи. «И
оттого, что война – лучшая возмож-
ность проявить эти добродетели,
она так радует сердце мужчины,
для которого смелость и презрение
к смерти отчасти профессиональ-
ные доблести», – отмечал теоретик
феодализма французский историк
Марк Блок [13:287].

Как видим, адыгские историко-
героические песни воплощали на-
родные представления о мужестве
и отваге, транслируя их через раз-
витую систему устойчивых выра-
жений, характеризовавших образ
и поступки идеального героя. По-
добные мотивы нашли отражение
и в фольклоре адыгской диаспоры,
и в песнях о военных событиях XX
столетия. Так, в фольклорно-этно-
графических экспедициях в Турции
(1997 – 2005 гг.), где проживает мно-
гочисленная адыгская диаспора, за-
писаны и расшифрованы десятки
историко-героических песен [14: 97-
154]. Среди них зафиксированы ва-
рианты, бытующие на исторической
родине, а также песни, сочиненные
здесь, на Кавказе, но впервые запи-
санные в диаспоре.

Адыги, оказавшиеся на чужби-
не, вынуждены были участвовать в
войнах на стороне страны, приняв-
шей их. В песнях-плачах, сочинен-
ных об этих событиях, присутству-
ют те же мотивы мужества и боевых
потерь [14:135-153].

Рассмотрим также характер
языковой репрезентации концепта
«лIыггэ» в современных народных
песнях. Под современным фолькло-
ром мы понимаем совокупность раз-
ножанровых народных произведе-
ний, хронологически относящихся
к периоду от начала XX века до на-
стоящего времени.

В коллекции современных на-
родных песен имеются сотни про-
изведений, посвященных военным
конфликтам XX в. (Русско-япон-
ская война, Первая мировая и Вели-
кая Отечественная войны, Револю-
ция, гражданская война, события

в Абхазии и Чечне). В продолжение традиции историко-героической народной поэзии, в этих песнях рисуются образы идеальных героев, мужественных защитников Родины – носителей высоких морально-этических ценностей [15]. Так, в песнях-письмах времен Великой Отечественной войны матери, жены, сестры обращались к бойцам:

Самолетэу быбырэр

Ошгуапцэм хэкгуадэба джы

ШгузыфэкГодыщтыр Родинэми

паешгы,

Шгупсэми шгумьблэжыба джы.

«Самолет летящий

В облаках пропадает

Вы пропадаете [погибаете] ради

Родины,

[Поэтому] жизни [душу] не жалеите»

[16:121].

Заключение.

Таким образом, исследование показало, что универсальные формулы в героических песнях – это

набор клишированных определений, посредством которых формируется образ идеального героя. Объектами характеристик являются имя героя, детали к его портрету, в основном воинское снаряжение, способы ведения боя, отношение к событию, место, где оно происходит. В текстах песен обнаружены как односложные эпитеты, так и многоступенчатые, сложные определения тирадной формы. Примененный в исследовании метод корпусного исследования позволил уточнить, что в текстах достаточно равнозначно используются эпитеты – слова и сложные тирады – определения. Авторы приходят к выводу о том, что в подавляющем большинстве героических песен основным художественно-стилевым средством формирования образа идеального героя является универсальная формула, приуроченная к имени воина.

Примечания:

1. Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // *Адыгские песни времен Кавказской войны*. 2-е изд., доп. Нальчик: Печатный двор, 2014. С. 30-89.

2. Мирзоев А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.

3. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков // *Аутлева С.Ш. Избранные труды*. Нальчик, 2018. С. 21-270.

4. Налоев З. Героические величальные и плачевые песни адыгов // *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. М.: Сов. композитор, 1986. Т. III, ч. 1. С. 5-34.

5. Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 656 с.

6. Гутов А.М. Песня балладного типа в адыгском историко-героическом эпосе // *Вестник Адыгейского государственного института*. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2023. Вып. 4 (247). С. 123-128.

7. Унарокова Р.Б. Повествовательные песни (Iотэжь оредхэр) в фольклорной культуре адыгов // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2023. Вып. 4 (247). С. 123-128.

8. Корпус адыгейского языка / Т.А. Архангельский, И.Г. Багиорова, А.Д. Ландер, Ю.А. Ландер. 2018-2023. URL: <http://adyghe.web-corpora.net>

9. МыкIосэрэ жьуагъохэр / зэхэз. Абу Шьхьэлэхъо. Мыекъуапэ: МыутIэ, 1994. Н. 258-259.

10. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. Т. III, ч. I. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.
11. Мирзоев А.С. Как в дружбе – друг достойный, так во вражде – достойный враг // Черкесский мир. Майкоп, 1998. № 2. С. 38-41.
12. Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов. Эстетико-информационный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 216 с.
13. Блок М. Феодалное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
14. Тыркуем ис адыгэхэр, 1ор1уатэр / зэхэз. Рай Унэрэкъо. Мыекъяупэ: Адыгея, 2004. 580 н.
15. Архив ЦА АГУ. П.47. Лирические песни адыгов (рукопись сборника). Раздел 1.2. 1отэжь оредхэр (повествовательные песни) и хыеш1орэдхэр (очистительные песни). С. 44-95.
16. Унэрэкъо Р. Адыгэ оредыжьхэмрэ лъэпкъш1эныгъэмрэ / зэхэз. Р. Унэрэкъо. Мыекъяупэ: Мыут1э, 1998. 300 н.

References:

1. Kazharov V.Kh. Songs, Islam and traditional culture of the Circassians in the context of the Caucasian War // Adyghe songs of the times of the Caucasian War. 2nded., enlarged. Nalchik: Printing House, 2014. P. 30-89.
2. Mirzoev A.S. Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarovs, 2021. 400 pp.
3. Autleva S.Sh. Adyghe historical and heroic songs of the 16th-19th centuries // Autleva S.Sh. Selected works. Nalchik, 2018. P. 21-270.
4. Naloev Z. Heroic laudatory and lamentable songs of the Circassians // Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. M.: Sov. composer, 1986. Vol. III, Part 1. P. 5-34.
5. Naloev Z.M. Etudes on the history of the culture of the Circassians. Nalchik: Elbrus, 2009. 656 pp.
6. Gutov A.M. Song of the ballad type in the Adyghe historical heroic epic // Bulletin of the Adyghe State Institute. Ser. 2: Philology and the Arts. Maikop, 2023. Iss. 4 (247). P. 123-128.
7. Unarokova R.B. Narrative songs in Adyghe folklore culture // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Arts. Maikop, 2023. Iss. 4 (247). P. 123-128.
8. Corpus of the Adyghe language / T.A. Arkhangelsky, I.G. Bagirokova, A.D. Lander, Yu.A. Lander. 2018-2023. URL: <http://adyghe.web-corpora.net>
9. Unfading stars: a collection of texts (in the Adyghe language) / comp. by A.A. Skhalyakho. Maikop: Meoty, 1994. P. 258-259.
10. Folk songs and instrumental tunes of the Circassians / ed. by E.V. Gippius; comp. by V.Kh. Baragunov, Z.P. Kardangushev. T. III, Part I. M.: Sov. composer, 1986. 264 pp.
11. Mirzoev A.S. As in friendship a worthy friend, so in enmity a worthy enemy // The Circassian world. Maikop, 1998. No. 2. P. 38-41.
12. Unarokova R.B. Song culture of the Circassians. Aesthetic and informational aspect. M.: IMLI RAN, 2004. 216 pp.
13. Block M. A feudal society. M.: Publishing house named after the Sabashnikovs, 2003. 504 pp.
14. Folklore of Turkish Adyghe (in the Adyghe language) / comp. by Unarokova R.B. Maikop: GURIPP Adygheya, 2004. 580 pp.
15. Archive of TsA ASU. P.47. Lyrical songs of the Circassians (manuscript of the collection). Section 1.2. narrative songs and purifying songs. P. 44-95.

16. Unarokova R.B. Folk songs of the Adyghes in the system of information culture (in the Adyghe

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.03.2023.

The paper was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 22.03.2023.

© Р. Б. Унарокова, З. А. Цеева, 2023